

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Я не являюсь, как все здесь знают, историком философии и не могу конкурировать со многими, присутствующими здесь, в знании современной западной философии. Но думаю, никакое знание этой философии не сделает нас западными философами, равно как знание китайской философии не сделает нас китайскими философами, а знание ислама — мусульманами. Но и оставаясь самими собой, мы, как мне кажется, пока еще не в состоянии говорить с западными философами наравне: мы можем задавать им вопросы, можем спорить с ними, но вряд ли будем ими услышаны. Мне неизвестно, чтобы кто-то из крупных западных философов всерьез спорил или соглашался с нами, ссылаясь на русские философские источники. Нас могут вежливо выслушать, но не более того. Вряд ли в нас видят полноправных участников современного общеевропейского философского диалога. И причина тому — не в отсутствии у нас философских талантов, а в чем-то совершенно другом. В этом я и хотел бы разобраться в первую очередь.

В области математики, физики, биологии, других наук современные российские ученые вполне стоят на уровне своих западных коллег, даже получают Нобелевские премии. А вот в философии — почему-то не так. Мы явно не можем сравняться с западными философами в популярности и значимости выдвигаемых нами идей, хотя, повторяю, многие из нас неплохо осведомлены в их взглядах. Недаром наиболее процветающая отрасль философского знания у нас — это история философии, причем история, прежде всего, европейской философии. Похоже, в философии мы все еще только ученики.

В отличие от русской литературы и искусства русская философия — даже дореволюционная — так и не стала органической частью общеевропейской культуры, не нашла за рубежом признания и поддержки. Философские представители первой волны русской эмиграции, среди которых были и выдающиеся умы, за редким исключением (типа, например, А.Кожева) оказались вне поля зрения западной философской мысли, воспринимались ею скорее как философствующие на почве православия маргиналы, чем как современные мыслители. Что уж говорить о философях более позднего поколения. Какое русское имя является для Запада философским авторитетом? Почему в науке мы худо-бедно выдерживаем конкуренцию, а в философии нет?

Все дело, как мне кажется, именно во времени, которое отделяет нас от Запада. Я имею в виду, конечно, не хронологическое время, а историческое. Мы как бы живем с Западом в разные времена. От Запада нас отличает, по моему мнению, разное отношение к современности, к тому, что принято называть модерном и что Хабермас назвал «философским дискурсом о модерне». У нас с Западом на этот счет как бы разные дискурсы. Не буду вдаваться здесь в дискуссию о том, что понимать под модерном, ограничусь лишь его общеупотребительным толкованием как рационализации всех форм жизненного поведения человека. Под ним же можно понимать и практическую реализацию идей Просвещения. Насколько я понимаю, западная философия в своей значительной части развивается сегодня под знаком критики и преодоления модерна, выхода в какое-то новое состояние,

называемое постмодерном. А вот мы до сих пор в этот модерн никак попасть не можем. Предпринимаем для этого огромные усилия, но какая-то еще более мощная сила выталкивает нас из этого модерна обратно.

Живя в России, трудно представить, как выглядит мир постмодерна. Мы смотрим на него глазами Запада, судим о нем по западной литературе. Ведь мы (я имею в виду основную часть российского населения) и в модерне по-настоящему пожить не успели. Вот уже триста лет модернизируемся, но никак не можем довести этот процесс до конца. Такое впечатление, что Россия – страна перманентной модернизации, которая временами то вспыхивает, то угасает.

Что же мешает России стать современной страной, войти в модерн? Для этого Европе, как известно, потребовалось пройти через три «двери», первая из которых – Возрождение, вторая – Реформация, третья – Просвещение. Все вместе заняло у нее примерно лет пятьсот. Мы же не прошли ни через одну. У нас не было своего Возрождения, своей Реформации, ну а Просвещение остановилось где-то на полпути, затронув лишь верхний слой российского общества. Дальше не пошло. Соответственно, и сложившийся в России философский дискурс (за исключением, разумеется, тех, кто просто пересказывает и комментирует западные источники) характеризуется неприятием модерна ни в его гуманистической, ни в протестантской, ни в просветительской версиях. Если ранние славянофилы (Хомяков, братья Киреевские) еще как-то пытались противопоставить европейскому свой русский проект модерна, получивший впоследствии название «русской идеи», то, начиная с Данилевского и вплоть до евразийцев, идея «русского модерна» перерастает в идею «антимодерна», отрицания всего европейского, ставшую оплотом русского консервативного национализма. Сегодня эта идея все более завладевает массовым сознанием (по социологическим опросам, около 70% россиян не считают себя европейцами) и берется на вооружение определенной частью нашей политической элиты.

Невосприимчивость к модерну видна даже по нашей литературе, не принявшей ренессансного гуманизма. Бердяев считал, что если у нас и были гуманисты этого типа, то только Пушкин. Остальная литература от Гоголя до Достоевского и Толстого пошла не по пушкинскому пути. Негативное отношение к Возрождению характерно и для большинства русских религиозных мыслителей и философов, вплоть до Лосева. Аналогично обстоит дело с Реформацией. Отношение к протестантизму и его этике в русской мысли хорошо известно. Исключение составляют, конечно, русские западники (включая либералов и социал-демократов), но все знают, какова их судьба в России. Сегодня весьма модно ругать и тех, и других. Не буду об этом долго говорить. Русская критика модерна в отличие от его западной критики тяготеет не к новому, а к старому – традиционному – миру, находящемуся под властью церковного и государственного авторитета, т.е. православия и самодержавия. Если современный западный интеллигент в большинстве своем если не модернист, то постмодернист, то наш, как правило, – антимодернист. В политике он – консерватор, обращенный к прошлому – советскому или дореволюционному, причем независимо от того, к какой партии принадлежит. Сегодня это видно как никогда раньше. Среди огромной плеяды русских дореволюционных философов мы не нашли для себя большего авторитета, чем Иван Ильин. Это русский философ-националист, известный тем, что в 1934 г. вознес хвалу Гитлеру и нацизму. Впоследствии он, правда, попытался занять нейтральную позицию, но

именно ему принадлежат слова о том, что на Гитлера не надо смотреть глазами евреев, что геноцид — несущественная мелочь по сравнению с величием нацистского замысла. Краткий эпизод из биографии Хайдеггера, связанный с его сотрудничеством с нацистским режимом, выглядит по сравнению с этими словами не сознательным убеждением, а всего лишь временным заблуждением, которое ему, правда, до сих пор не могут простить. Ильину же мы все списали в благодарность за его патриотизм.

Я не хочу ставить антимодернистский дискурс ни в упрек, ни в заслугу России. Очевидно, иным он пока быть не может. История, в конце концов, рассудит, куда ведет этот дискурс, — к победе или к поражению. Я не собираюсь пророчествовать на эту тему. Меня интересует, честно говоря, другое: чем является философия в контексте каждого из этих дискурсов — модернистского, постмодернистского и антимодернистского. На мой взгляд, понимание того, чем она должна быть, прямо зависит от этого контекста. Ясно одно, и в своем антимодернистском, и в постмодернистском вариантах она оказывается в резко критическом отношении к модерну (и к его идеологическому обоснованию в классической — просветительской — философии), хотя критика эта ведется в них с разных позиций. Для постмодернистов модерн неприемлем в силу своего тяготения к рационализации и унификации жизни, логоцентризму, идеологическому монизму, для антимодернистов — своим излишним антропоцентризмом и индивидуализмом. Прямо скажем, взаимоисключающие претензии, хотя в своем противостоянии модерну они, действительно, вскрывают его главный недостаток — неспособность сочетать индивидуальное и универсальное, многообразие и единство, свободу и порядок. Попытка просветительской философии на путях разума примирить эти противоположности и тем самым идеологически оправдать и обосновать модерн оказалась в глазах пост- и антимодернистов несостоятельной. Но если первые на этом основании справляют «поминки по Просвещению», то вторые стремятся предотвратить его роды, так сказать, аборттировать его. Не потому ли и в нынешнем виде наша модернизация больше смахивает, по выражению Стивена Коэна, на демодернизацию, на возврат к Средневековью, но не к «новому», о котором когда-то мечтал Бердяев, а к нашему отечественному, традиционному, проникнутому духом «византизма» в государственной и религиозной жизни.

Все это прямым образом сказывается и на нашей философской мысли. Характерный для модерна дух рационального и систематического видения мира, отмеченный в то же время печатью индивидуального авторства, подменяется в ней наукообразными рассуждениями на самые разные темы, в которых авторскую речь трудно отличить от любой другой. Просматривая выходящие в стране многочисленные философские публикации, число которых неизмеримо возросло по сравнению с советским периодом, трудно отделаться от впечатления, что мы имеем дело с какой-то новой формой философской схоластики. Пишут о чем угодно и как угодно, не очень заботясь о том, как написанное соотносится с уже существующей философской традицией и общими предпосылками философского мировоззрения. Сама философия делится у нас не по направлениям и школам с их признанными лидерами, а по отдельным дисциплинам, между которыми не видно никакой объединяющей их связи. Кто-то занимается философией науки, кто-то логикой, кто-то моральной, политической, социальной философией и так до бесконечности. Почему все это называется философией, никому не ведомо. Если Гегель, создавая свою «энциклопедию философских наук»,

руководствовался собственным пониманием общей цели и задачи философского знания (в том же духе работают большинство выдающихся философов современности, совмещая в себе гносеологов, этиков, эстетиков, историков философии и пр.), то что объединяет у нас разные области философского знания? Какая связь между ними? Как отличать их друг от друга по стилю и методу, по выраженному в них философскому мировоззрению? Иными словами, философов много, но нет того, что называют философией, — школы или направления со своей особой и оригинальной концептуализацией мира. К какому философскому направлению или течению принадлежит большинство наших философов? И какую в таком случае философию они преподают студентам? Философию на любой вкус? Но такой не бывает. Дореволюционная русская философия и лучшие образцы советской и марксистской философии уже в прошлом, а их достойного продолжения я пока не вижу. Наши философы напоминают порой обычных научных работников, сообщая разрабатывающую какую-то частную тему (по гранту или рабочему плану) и не очень озабоченных экспликацией философских предпосылок собственного творчества. В таком качестве они, как правило, проигрывают в соревновании с нормальной наукой. Из подобного творчества, как мне кажется, никогда не вырастет философия большого стиля, интересная современникам.

Философия эпохи модерна, классическая философия, чтобы стать таковой, должна была, как известно, предварительно освободиться от роли служанки теологии, навязанной ей Средневековьем. Речь шла не об отрицании ею религии, а об установлении границы, отделяющей философский разум от религиозной веры. Союзником философии в этом деле стала родившаяся в XVII в. современная наука. Новоевропейская метафизика хотела быть наукой по преимуществу, даже первой наукой, ориентированной на ее математические и естественнонаучные образцы. Осознание невозможности существования философии в форме науки стало началом кризиса классической философии, что привело в конечном счете к возникновению философского постмодерна. Только на этой ступени становится очевидным, что разделяет философию и науку (как до того философию и религию).

Обратную попытку вернуть философию под власть религиозного сознания или заменить ее теологией я и называю философским антимодерном. Нынешнее увлечение восточными религиями — из той же серии. Я понимаю, что навлеку на себя критику подобными утверждениями, но таково мое мнение. Любая попытка возродить под видом философии предшествующие ей формы сознания — миф, религию, оккультизм и пр. (не с целью их анализа и критики, а с целью возвращения к ним) есть для меня проявление антимодерна. Когда повсюду открываются церкви (против чего я, конечно, ничего не имею), но при этом закрываются научные институты, становится ясно, что мы движемся не в модерн, а в состояние, предшествующее модерну, в до-модерн, в котором философия перестает занимать центральное место в культуре и образовании. Легко представить, что в ближайшее время ее преподавание в школах и университетах будет заменено проповедью закона Божьего. И не то плохо, что учащиеся будут лучше ориентироваться в вопросах веры, а то, что вопросы, которые до сих пор решались философами, будут теперь исключительно прерогативой Церкви.

Правда, и постмодерн влечет за собой снижение роли и значения философии в культурной жизни общества. Вчера я слушал доклад итальянского профессора Дж.Ваттимо и хотел бы сказать о нем несколько

слов. У меня было желание задать ему вопрос, но я постеснялся. Постмодернист, как я его понял, — это истинный христианин, верующий человек, поскольку бытие дано человеку не в акте познания, а как акт чистой веры. Проще говоря, постмодернизм — это окончательное преодоление язычества, высшим выражением которого была античная философия с ее апологией объективного мира как предмета знания. Но если бытие дано нам в акте веры, то тогда оно нам не просто дано, а, как он выразился, подарено, т.е. является даром, а не данностью. А раз наше бытие — это дар, то возникает понятное желание отблагодарить того, кто этот дар сделал. Соответствующее нашему бытию чувство благодарности — совсем другое отношение человека к миру, чем то, которое рождается в акте познания. Это даже не вера в догмат воскресения Христа. Это просто вера в то, что есть некая сила, более высшая, чем мы, которая нам дала в дар бытие и по отношению к которой мы можем испытывать только чувство глубокой благодарности. И тогда существование человека в контексте бытия — это акт чистой любви и ничто другое. Этот акт лишен всякого элемента корысти и личной заинтересованности. Так я понял профессора Ваттимо. Кладя в основу человеческого бытия бескорыстную любовь, он, наверное, потому и называет себя последним итальянским коммунистом. (В отличие от А.Негри, считающего себя последним планетарным коммунистом.) Но у меня возник вопрос к нему. Если постмодерн основан исключительно на акте веры, то где здесь место философии? Если постмодерн — это конец любой метафизики, то может ли быть неметафизическая философия? И как она возможна в эпоху постмодерна с его отказом от больших нарративов? Не должна ли философия, в конце концов, уступить свое место в познании науке, а в практической жизни — культу любви или еще какому-то другому культу?

Подобный вопрос задали когда-то Хайдеггеру. В одном из последних интервью его спросили, как он относится к тому, что престиж философии в системе университетского образования падает, а многие считают занятие философией совершенно бессмысленным делом. Хайдеггер ответил, что это тот вопрос, над которым он постоянно думает. Философия для меня, пояснил он, — опыт автономного и творческого существования, который, конечно, совершенно не нужен современному человеку. Философия, как можно понять Хайдеггера, — не выход в какую-то иную по сравнению с наукой область знания, а просто искусство жить собственной жизнью, опыт, так сказать, переживания собственного бытия, выражаемого посредством слова. Но чем же тогда философия отличается, например, от поэзии? На этот вопрос пусть ответят сами постмодернисты: мне за них это трудно сделать.

Постмодерн, как я понимаю, — это тоже конец философии. Если антимодерн признает ее лишь в качестве служанки религии, то в постмодерне, который Ваттимо считает завершением христианской эры, ее тоже нет. Но тогда — у меня, к сожалению, нет времени подробно рассуждать на эту тему — философия возможна только в эпоху модерна. Вопрос лишь в том, как понимать модерн. Обычно его отождествляют с эпохой разума. Но чем является сам разум? Мне более близка позиция Хабермаса, трактующего просветительский разум как незавершенный модерн. Хабермас, насколько я его понимаю, предлагает иную — не моно-, а полисубъектную — концепцию разума, имеющую своим истоком межличностную коммуникацию индивидов. Это не разум эпохи Просвещения с его абстрактным (трансцендентальным) субъектом познания и действия, а разум, имеющий характер интерактивного, или коммуникативного, действия. Но тем самым для

философии открывается новое поприще — не столько познания мира в его единстве и целостности, которое целиком оказалось в ведении науки, сколько организации пространства межчеловеческого диалога и общения. Нельзя не признать, что именно в этом направлении ведутся наиболее интересные и плодотворные философские поиски как за рубежом, так и у нас в стране (напомню хотя бы о школе Библера). Почему же именно философия, а не наука содержит в себе ответ о природе подлинно человеческой коммуникации? Вот здесь, как мне кажется, мы и подходим к вопросу об изначальном смысле возникновения и существования философии в составе европейской культуры.

Нельзя не отметить, что размежевание философии не только с религией, но и с наукой началось с возникновения в XIX в. наук о культуре. С этого момента вопрос о сути и смысле философской работы приобрел новое звучание. Пока существовали только науки о природе, философия претендовала на познание сверхприродного — человеческого, культурного — мира. Именно в вопросах, касающихся существования человека в мире, она считала себя главным авторитетом. Но когда и этот мир стал предметом научного изучения, философия, подобно королю Лиру, раздав все свои владения детям, оказалась перед вопросом — где теперь ее царство? Не обречена ли она оставаться всего лишь служанкой науки и выступать логикой и методологией научного познания, научной эпистемологией и пр.? На этом особенно настаивали позитивисты. И сейчас многие придерживаются такого же мнения. Но если вся область познания сущего целиком уходит в науку, зачем вообще нужна философия? Именно постмодерн, перестав отождествлять философию с наукой, поставил вопрос о том, чем философия является сама по себе, безотносительно к науке, каково ее особое место в европейской культуре, чем она отличается от других форм сознания. Недаром начиная с Ницше вновь и с особой силой вспыхивает интерес к античной философии, к началу и истоку философского знания, в котором и ищут ответы на поставленные вопросы. Кому, как не грекам — первым философам в точном смысле этого слова, знать, зачем нужна философия, какая жизненная потребность вызвала ее появление на свет.

Полученные ответы, начиная с того же Ницше и заканчивая постмодернизмом, все находящиеся здесь в зале, конечно, хорошо знают. Свое собственное мнение на этот счет, учитывая отпущенное мне время, я изложу в тезисной форме. В ситуации осознаваемого современной наукой культурного плюрализма философия сохраняет за собой функцию самосознания человека, осознания им своей культурной идентичности, своего бытия в культуре. Если наука есть знание о разных культурах, сколько их есть на свете, то философия есть знание человека о собственной культуре, точнее, о том, что он считает своей культурой. В этом смысле научное знание о культуре и культурное самосознание человека не совпадают друг с другом. Можно знать ислам, но такое знание еще не делает человека мусульманином. Знание и бытие, вопреки формуле Декарта, расходятся между собой. Знать культуру и быть в ней — не одно и то же. Наука дает нам знание о культуре, философия отвечает на вопрос, кто мы сами в культуре, что считаем в ней для себя важным и ценным. С различением науки и философии как знания и самосознания согласятся, видимо, многие. Труднее понять другое: почему попытка Гегеля поднять самосознание до уровня знания, причем абсолютного, существующего в форме науки, привела к последующему разотождествлению самосознания и научного знания, что дало повод говорить о конце

вообще философии, ибо в какой еще форме, кроме научной, может существовать самосознание? Если философия — не наука, то что она такое? В ней видят либо еще один (философский) вид веры, наряду с религиозной, либо особый тип словесного творчества, подобный, например, поэзии, выражающий на своем языке опыт собственного существования в мире, либо просто работу по переосмыслению, переописанию (редескрипции) уже существующих текстов. Или она — тоже знание, но существующее по иным канонам, чем просто научное? Его уже нельзя числить по ряду ни вероучения, ни теоретического знания. Но чем тогда является такое знание, что рождает потребность в нем?

Проблема, как я ее понимаю, состоит в том, что самосознание человека, живущего сегодня на пересечении разных культур, строится на основе его свободного выбора. Можно ли такой выбор сделать сознательным? Вопрос не в том, как мыслить свободу в качестве объекта знания, а в том, как быть свободным в акте своего самоопределения и самосознания. Если бы культура, которую мы считаем своей, зависела только от места нашего проживания, происхождения, окружения и даже языка, на котором мы говорим, т.е. диктовалась чисто внешней необходимостью, чем бы мы тогда отличались от бабочек в гербарии, которым природа раз и навсегда предписала определенную нишу? Но ведь что-то в этой культуре зависит от нас самих, от нашего собственного выбора. Мы, конечно, многое берем из прошлого своей страны и народа, здесь не о чем и спорить, но ведь в нашем прошлом есть и нечто такое, что нам может не нравиться, вызывать отторжение, от чего мы хотели бы отказаться, тогда как у других народов мы можем находить для себя что-то важное и полезное. Каждый из нас в определенных пределах свободен в своем культурном выборе. Можно ли сознательно обосновать выбор нами своей культурной идентичности? Здесь, по моему мнению, и открывается поле для философствования, предметом которого является осознание нами той системы ценностей, которой мы руководствуемся в своем культурном выборе. И не всегда эти ценности можно установить опытным или логическим путем, обращаясь к традиции или к мнению большинства. Они во многом диктуются именно нашей свободой, нашим отношением к тому, что мы полагаем для себя вечным и абсолютным. По отношению к любой догматической системе знания такое мышление всегда будет критическим, указывающим на его ограниченность по отношению к человеческой свободе, не знающей для себя никаких временных и пространственных рамок. С этой точки зрения, современное философское мышление носит не столько систематический, сколько критический характер, исповедуя в качестве абсолютной ценности только ценность свободы. Короче, все, что существует в культуре, с которой я себя отождествляю, по необходимости, независимо от меня — предмет науки, что предопределено в ней свободой человека — предмет философской рефлексии. Традиция, положившая в основание культуры индивидуальную свободу, и сделала возможной появление философии в составе этой культуры.

Философия — не просто самосознание человека (в функции такого самосознания могут выступать миф и религия), а его самосознание в свободе — политической и духовной. Она есть язык и мысль свободного человека, хотя эта свобода по-разному дает знать о себе на разных этапах европейской истории. Схематически место и роль философии в составе европейской культуры можно представить следующим образом: религия призвана сделать нас добрыми, морально ответственными (перед Богом)

существами, наука — сильными, вооружив знаниями и технологиями, но только свободный человек способен примирить между собой веру и знание, дух и разум. Вне свободы они в равной мере могут стать источником насилия над человеком. А вот инстанцией, позволяющей осмыслить границы человеческой свободы, как раз и является философия. Она как бы располагается в промежутке между религией и наукой (потому ее и тянет порой то в одну, то в другую стороны), хотя в своем собственном существовании, будучи самосознанием человека, критически относится к любой попытке подчинить его свободу либо только предписаниям свыше, либо природной необходимости, т.е. чему-то, выходящему за пределы его разума и воли. Само существование философии свидетельствует о том, что свобода, как бы ее ни трактовать, становится основополагающей ценностью человеческой жизни и культуры. Если человек не нуждается в свободе, то и философия ему ни к чему. Предвижу вопрос, как же понимать саму свободу, чем она является в своем философском истолковании и как может быть реализована в современном обществе, но это тема для другого выступления... На этом я закончу, хотя о многом, конечно, не успел сказать.

Гайденко П.П. — Очень сильный тезис высказал Вадим Михайлович: сама философия родилась в эпоху модерна. На этом тезисе, как мне показалось, строится весь доклад Вадима Михайловича. У меня возникает в связи с этим вопрос — а куда же нам тогда деть философию античную: Платона, Аристотеля, Плотина, Августина... Августина могу исключить, поскольку это близко к теологии... Но, насколько я понимаю, и средневековая философия в лице наиболее крупных средневековых философов была сформирована под влиянием античной философии, особенно Аристотеля, если мы вспомним Фому Аквинского. И даже новоевропейская философия тоже испытала на себе колоссальное влияние и Платона, и Аристотеля. Поэтому у меня возникает вопрос — а что, в античности не сформировалась философия? Вот это мой основной вопрос.

Порус В.Н. — Вадим Михайлович, я попытаюсь в короткую формулу зажать свой вопрос. Существует ли позитивный ответ на вопрос о том, что есть знание свободы? В другой формулировке это звучит так — как совместить два тезиса: первый — что философия есть самосознание свободного человека, и второй — что существует философское знание?

Степанянц М.Т. — Вопрос мой заключается в следующем. Мне кажется, что есть противоречие между началом и концом доклада... В середине говорится о том, что существуют разные культуры. Но если существуют разные культуры, то возможны и разные философствования. Понятие философии, как мне кажется, оказалось редуцированным и отрезанным исторически от всей истории прошлого, суженным и географически и цивилизационно. Я думаю, что это неоправданно.

Межуев В.М. — Прежде, чем кратко ответить на поставленные вопросы, хочу зачитать маленькую выдержку из Жака Деррида. Ему пришлось сделать в штаб-квартире ЮНЕСКО доклад на тему «Глобализация, мир и космополитизм». И ему дали 20 минут. После того, как он поблагодарил за право выступить, он сказал буквально следующее. Выполнить сложную и крайне насущную задачу высказаться по поводу понятий «глобализация, мир и космополитизм», которые стоят на повестке дня настоящего заседания, в течение 20 минут — семь минут о глобализации, семь о мире и не больше шести о космополитизме — перед широкой, разносторонней и требовательной аудиторией — это огромный риск, если не сказать попытка, ко-

торой бы не следовало подвергать людей, особенно в этой среде. И чуть ниже добавил — никто, особенно тот, чьей профессией является философия, не должен навязывать человеку задачу, подобную этой. И поэтому неизбежный провал, который меня подстерегает... на этом он обрывает фразу. Я — не Деррида, но испытываю примерно те же чувства. Но, конечно, попытаюсь очень коротко ответить на те вопросы, смысл которых я понял.

Вопрос Пиамы Павловны по поводу античности. Я никак не мог утверждать, что философия родилась только в Новое время. Она не родилась, а возродилась после того, как в течение всего Средневековья существовала в прямой зависимости от богословия. Рождение философии, как все знают, прямо связано с рождением греческого полиса — первой и самой ранней формы демократии. По словам Вернана, философия — дитя полиса. Мы знаем, что полис — это прежде всего пространство публичной дискуссии, публичного диспута и принятия каких-то согласованных решений. С этого, на мой взгляд, и начинается модерн. Греки были первыми провозвестниками модерна. Модерн — это то, что отличает Запад от Востока. В отличие от Востока Запад не знает раз и навсегда установленной, общей для всех истины. Не религия и даже не наука, а именно философия является специфическим продуктом европейской духовности. Мудрецам и пророкам Востока истина была дарована свыше. Поэтому они так легко уживались с тиранами и деспотами, которые всем другим отказывали в праве на собственное мнение. Философия, как я понимаю, возникает в ситуации незнания истины, ее сокрытости от человека. Философ — не знаток, а друг истины. Единственный путь к истине для него — это путь диалога, требующий доказательного мышления и красноречия. Философия — форма не монологического, а диалогического мышления, когда ни у кого нет монополии на истину. С права на свободную мысль и начинается модерн. Из идеи диалога свободных и автономных людей рождается впоследствии идея общественного договора — основа правового сознания Запада. Проще говоря, лишь там, где люди переходили от тирании к гражданскому обществу, наблюдался расцвет философии. Философия — служанка не богословия или науки, а политики, понимаемой как сфера публичной дискуссии, где каждый имеет право на собственное мнение. Она есть прямой результат способности человека мыслить в свободе. Так было в античности, так было и в Новое время. А где философия становилась орудием власти — церковной или государственной, — она обретала функцию идеологии, псевдорелигии или псевдонауки, т.е. переставала быть самой собой. Только это я и хотел сказать.

Вопрос В.Н. Поруса о том, как возможно философское знание о свободе. Философ не просто мыслит о свободе (мыслить он может о чем угодно), но мыслит в свободе, или свободно мыслит. Свобода в понимании Аристотеля и Платона — это образ жизни философа, равно как политика и художника. И состоит она в способности философа посредством мышления (созерцания) выходить за пределы чувственного, изменчивого и подвижного мира, всего того, что находится под властью времени, в мир вечных — материальных или идеальных — субстанций, над которыми время не властно. То, что принято называть философским знанием о свободе, на мой взгляд, есть не просто знание, подобное научному — объективному — знанию, а представление в форме знания самосознание человека определенной культуры и эпохи, выражающее присущий ему и его эпохе способ жить — мыслить и действовать — в свободе. Философы в разные времена по-разно-

му осознавали факт свободы, соответственно определяя и задачу своей философии. Так, для Гегеля, отождествлявшего свободу с знанием абсолютной идеи, задачей философии является достижение такого знания. Те же, кто считал абсолютное знание в принципе недостижимым, усматривали индивидуальную свободу в отрицании власти над ним вообще какого-либо абсолюта, видели задачу философии в критике любого знания, претендующего на абсолютную истинность. Владимир Натанович занимался Поппером и лучше меня знает, что свобода для него означает фальсификацию, опровержение любого рационально выстроенного суждения. Отсюда не следует, что только философия делает человека свободным, а следует только то, что свобода, как она практикуется и переживается человеком на данный период времени, рационально осознается и выражается им только на философском языке. Другого рационального языка свободы в европейской культуре я не знаю. Язык религии, науки и даже искусства не является таким языком. Все они могут быть продуктом, результатом, проявлением творческой свободы, но не органом ее самосознания. Именно по тому, чем является философия на данный период времени, можно судить о том, насколько свобода стала для этого времени сознательно полагаемой ценностью, что она реально значит для него.